

1. Маленькая шалунья

— Галочка, сними очки,— прошу я младшую сестру, красивую и уже взрослую женщину.

Галя, улыбаясь, покорно снимает очки от близорукости:

— Ох, сестрица, каждый раз одно и то же: сними очки!

А я твои глаза плохо вижу без очков...

Сестрица. Так Галочка стала меня называть после того, как в детстве я рассказала ей сказку про сестрицу Алёнушку и братца Иванушку.

...Смотрю в большие серо-синие под густыми чёрными ресницами глаза, словно погружаясь куда-то в глубину. И не могу наглядеться.

Сколько помню себя — вплоть до трагического ухода сестры из жизни,— я всегда восхищалась ею. Не было для меня никого красивее, ближе и дороже: ни мама, ни подружки — никто не мог заменить мою Галочку. Мама иногда то ли в шутку, то ли недовольно говорила:

— Девчонки, вы, как близняшки, друг без друга не можете, говорите и думаете одинаково. Нет чтобы с матерью поделиться, сидите и шушукаетесь.

Девчонки — это мы с сестрой, замужние женщины, имеющие уже по двое детей: наши первенцы — мой сын и её дочь — старшеклассники...

...До сих пор в памяти картинки того раннего июльского утра. Я спала в одной комнате с родителями, и меня

растормошила поселковый фельдшер Мария Потаповна (как я потом уже узнала, она принимала у мамы роды):

— Дочка, пойдй братиков разбуди, скажи, что у вас сестрёнка родилась!

Старшие братья, Венка и Пашка (Пашку я называла Панка, потому что ещё букву «Ш» не выговаривала), летом спали в небольшой каморке, что была отгорожена в сених. Узкая фанерная дверь закрывалась на вертушку: такие вертушки в форме бабочки красовались на всех дверцах и калитках — во двор, в огород, в стайку к корове Милке. Вертушка была высоковата для меня, трёхлетнего ребёнка, я попрыгала безуспешно и стала стучать в тонкую фанерную дверь:

— Венка, Панка, у нас беструнка родилась!

Взрослые посмеялись, но как-то само по себе прижилось: не сестрёнка, а Беструнка. Так и звали малышку в семье до самой школы:

— Беструнка плачет, зыбку покачайте!

— Мама, смотри, Беструнка сама на ножки встала!

— Беструнка, марш в угол! — а так звучало в устах папы наказание для маленькой шалуны.

С рождением сестрёнки появилась в комнате зыбка — подвешенная к кольцу в потолке колыбель. Так хотелось в зыбке покачаться, но там место было занято вечно орущей Бестрункой. Когда мама брала её на руки и кормила, я умоляла папу или Вену посадить меня в зыбку. В нашей большой семье детей не баловали, а вот меня папа подхватывал на руки и усаживал в качающуюся колыбельку.

— Не вертись, — строго говорил он, — а то вывалишься. Ты тоже, когда была маленькая, в этой зыбке спала, — и тихонько раскачивал...

Сердце заходило от восторга, и я спрашивала:

— А Беструнка в зыбке плачет — ей не нравится?

Папа серьёзно мне внушал:

— Маленькая она, не привыкла ещё к нам, подрастёт и плакать не будет. Ты тоже раньше в этой зыбке плакала, теперь вон как глазки от удовольствия распахнула! Ну всё, хватит, уступи место сестрёнке, — и возвращал меня на пол.

...До самой школы старших братьев стригли налысо, под машинку, меня тоже, только впереди чубчик оставляли. А ма-

Родители — Филипп Павлович и Ефросинья Павловна, рядом дочери Тамара и Галочка, сидят сыновья Вениамин и Павел. 1950 год

ленькая Беструнка росла такой хорошенькой, у неё, как у мамы, были чёрные в завитках волосы, что вызывало у всех улыбки умиления, потому затылок ей не трогали, оставляя кудряшки.

Одевала нас мама в детстве одинаково: купив кусок ситца, шила мне и сестрёнке платица, а братьям рубашки. Есть фотография, на которой молодые и красивые мама с папой и мы — четверо добринчат (так нас в посёлке звали): на нас, девочках, одинаковые платица, а у меня ещё и сарафанчик в мелкую клеточку, как у братьев рубашки. Беструнка на снимке словно ангелочек, ей здесь два годика всего.

Очень жаль, что не сохранила моя память самое раннее детство сестрёнки — как она училась ходить и говорить, но хорошо врезались моменты, как уже с четырёх-пяти лет Беструнка, как хвостик, носилась за мной. Единственным спасением была школа, но стоило мне только перешагнуть порог дома, вопросы один за другим сыпались не на маму или папу, не на братьев, а на меня:

— Почему вода в Питу зелёная, а в ведре светлая?

— Почему папа папироску курит, а Вену ругает, что он с Валькой Максимовым за баней курит?

— А почему солнышко вечером за гору прячется?

Когда же у меня появилась подруга, Люда Кочина, Галочка всерьёз заревновала. Собираемся с Людой в ближайший лесок за земляникой — сестричка тут как тут: в шкеры быстренько ногами нырнула, мамину сетку от мошкары натянула. Никакие уговоры не помогали!

— Я с сестрицей! — наклонив головку, упрямо говорила она.

В лесу за Галочкой глаз да глаз нужен: она такая шустрая, непослушная — носится со своим котелочком по лесной полянке, только взгляд поднимешь от кустика с земляникой — её не видно. Какая тут ягода — сестру бы не потерять!

...Отчаянная голова — так звал папа нашу младшенькую. Помню случай. Галка уже в школе училась, классе, наверное, в четвёртом или пятом. Стоял крепкий мороз, деревья в снежном инее, туман такой, что в десяти шагах ничего не видно. Занятий в школе не было — актированный день. Но мороз никогда не был преградой для ребятни. Как-то незаметно и наша озорница из дома исчезла. Вернулась она с таким рёвом, что слышно было от дальней калитки на огороде. Мама прямо у порога бессильно опустилась на колени перед испуганной и судорожно всхлипывающей сестрёнкой — всё её лицо было в крови, ступки замёрзли на бороде и на воротнике пальтишка, правый глаз заплыл. В валенках на босу ногу я понеслась в больницу к Марии Потаповне...

Оказывается, поспорила Галочка с Лёлькой Елизарьевой, что наравне со старшими мальчишками скатится на санках с высокой Суминской горы. Скатилась, лёжа на животе, но не смогла вовремя санки развернуть и на полном ходу врезалась лицом прямо в деревянный забор у дома Суминых. Говорили потом пацаны: ор стоял такой, что, увидев разбитое в кровь лицо девчушки, все со страху разбежались.

— Слава Богу, — сказала наш фельдшер, — глаз не повреждён, повезло на этот раз. И что за девчонки растут у вас, Филипп Павлович? — выговаривала она папе. — Просто сорванцы: эта с крутой горы на санках катается, а старшенькая, совсем ещё подросток, Пит переплывает наравне

со взрослыми парнями. Этим летом я сама видела, как она с лодки на середине реки в воду ныряет...

2. Первая красавица

...Выросла наша бесстрашная и отчаянная Беструнка, а небольшой шрам под правым глазом остался на всю жизнь, но он был едва заметен и совсем не портил красивое лицо сестры.

И вот позади школа. На фотографии выпускников одиннадцатого класса моя сестра самая красивая, хотя красавиц в её классе было несколько — Оля Елизарьева (та самая Лёлька), Надя Ахремюк, Ада Лисенко, Шурочка Аршинина. С некоторыми из них я до сих пор поддерживаю связь в соцсетях (правда, фамилии у них теперь другие)... хотя и с частью мужской половины класса тоже продолжаю общаться — Гошей Лисенко, Мишей Тюрюковым, Володей Олексюком.

Совсем недавно встретила я в Красноярске с классным руководителем сестры, учителем математики Альбиной Андреевной Солдаевой; кстати, я тоже у неё училась. Вспомнили свой посёлок, школу, в которой она проработала сорок девять лет! Таких подвижниц, как она, среди учителей, приезжавших после окончания педагогических вузов по распределению в затерянный среди гор северный посёлок, история моей школы больше не знает.

К моему удивлению, Альбина (так её все выпускники называют) помнит многих своих учеников. О Галочке она, не задумываясь, сказала:

— Писаная красавица и большая умница. В моей педагогической практике таких лиц, будто из мрамора выточенных, больше не было. И, как истинная красотка, была она очень дерзкая, с характером, и в восемнадцать лет, когда некоторые её одноклассницы были «почти замужем», у Галины молодого человека не было. Или равных себе она в посёлке не видела, или парни откровенно побаивались её острого язычка...

Да, никто не нравился моей сестре, это я точно знала. Было лёгкая влюблённость в какого-то Василия Леонова, прибывшего механиком в автотранспортное предприятие. Своим секретом Галочка поделилась со мной, когда я, студентка, приехала домой на зимние каникулы. Видела я этого молодца — высокий черноволосый красавчик с масляными

глазками из-под густых бровей... А уже к лету сестра была полностью разочарована — «принц» оказался обыкновенным бабником...

Она ждала большую любовь, ждала всю свою жизнь...

Поклонник, однако, был, и очень настойчивый, — главный инженер того же автотранспортного предприятия, недавно вступивший в высокую для выпускника

Галина Добринская (20 лет)

вуза должность. Свой, брянковский, одноклассник и приятель нашего старшего брата Вениамина. Интеллигентный, спокойный, с лёгкой картавинкой, Геннадий Почекутов просто раздражал сестру:

— Старый очкарик он, длинный и некрасивый. Крокодил Гена!

Сдав выпускные экзамены и получив аттестат, сестра укатила в Красноярск и сдала вступительные экзамены в фармацевтическое училище. Мы-то знали, что она с детства мечтала стать аптекарем и носить белый халат: ещё малявкой, нацепив на плечи простынку, «лечила» всю семью таблетками и микстурами, с радостью бегала по маминой просьбе в аптеку и восхищалась, как там чисто, как хорошо пахнет! Почему-то не больница, а аптека её привлекала. Хотя бóльшую часть своей трудовой биографии она посвятила всё-таки медицине...

Когда наша студентка приезжала домой на каникулы, то снова сталкивалась с настойчивыми ухаживаниями Геннадия. Мама её наставляла:

— Вон Геннадий Степанович опять после работы не домой, а к нам идёт, посмотри в окно, выйди, погуляй с ним, поговори, ты же его совсем не знаешь! Даже бабы говорят: что это ваша Галинка нос воротит от такого парня? Он всем

нравится — вежливый, обходительный, с высшим образованием, на шофёров матом не ругается.

— Всем нравится, вот и гуляйте с ним! — Галочка была дерзка и непреклонна.

И вот как-то удалось же Геннадию уговорить мою строптивую сестру покататься на новеньком «Запорожце», что подарили ему родители к окончанию института. Автомобиль для посёлка — невиданная роскошь, и было их всего два — у Почекутовых и у соседа Николая Шатрова. Не считая, правда, служебного «газика» начальника АТП. Основной же транспорт, что проезжал по улицам посёлка, был грузовой.

Удивляюсь, когда это Гена с Галей стоворились покататься, потому что в семье мы не знали — ни мама, ни папа, ни я, тем летом гостившая с грудным сынишкой у родителей.

К ужину сестра не явилась, хотя рабочий день в аптеке, где она проходила практику, давно закончился. В кино на девять часов пошла, решили мы...

Родители ушли в свою спальню рано: по радио шёл спектакль «Без вины виноватые», и они хотели ещё раз послушать перед сном драматическую судьбу безродного артиста Незнамова. Я искупала сына, уложила спать, но смутное беспокойство никак меня не покидало — пару раз за вечер я тихонько, чтобы мама с папой не слышали, выходила на крыльцо, ждала сестру.

Июльские ночи у нас тихие-тихие, не слышно даже лая собак, они тоже замолкали, словно наслаждаясь тишиной и покоем. И такие ночи светлые, будто прозрачные: темноты сплошной нет — только с полуночи до двух лёгкие сумерки, а потом снова ясный день.

Уже светало, когда в мою комнатку заглянул папа:

— Не спишь, дочь, ждёшь? И где же наша полуночница?

— Одноклассницы приехали на каникулы, видимо, на Скале Любви девчата встречаются. За целый год новостей у каждой накопилось.

Где-то уже около четырёх часов тихонечко, на цыпочках, вошла Галочка, взъерошенная, испуганная, глазищи в пол-лица, моё василькового цвета новое платье с вышитыми по подолу белыми цветами было в засохшей грязи.

— Тихо! Не пугайся! — виновато прошептала сестрёнка. — Мы с Геной попали в аварию...

Папка уже тут как тут:

— С Геной, на «Запорожце»? И в какое такое болото вас занесло? Поехали и никого не предупредили! Ребятишки! Где этот ас-водитель?

— Пап, он проводил меня до крыльца. Степан Васильевич знал, что Гена взял машину, а когда уже по темноте не дождался, пошёл к Шатрову, и на его «Запоре» поехали нас искать, встретили на пятом километре от посёлка. Мы с Геной доехали почти до Ведуги, развернулись — и по трассе назад. Перед самым мостом, на девятом километре, руль вдруг резко рвануло вправо, и машина юзом скатилась к ручью, перевернулась на пригорочке и уже в воде снова встала на колёса. Я даже испугаться не успела и не ударилась совсем. А Гена схватил меня на руки и нёс, пока с Шатровым не встретились...

...Галочка ещё спала на нашей с ней широкой кровати, уткнувшись носом к стенке, не слыша даже требовательно-го плача проснувшегося племянника, когда прибежала мать Геннадия Лидия Ивановна:

— Павловна, видишь, судьба сама распорядилась: теперь-то наши дети обязательно поженятся! Будем, сваты, к свадьбе готовиться. Мы со Степаном решили: все расходы на себя берём.

Наш мудрый папа только и сказал:

— погоди, Ивановна, не торопись со свадьбой, пусть жених придёт свататься, посмотрим, что дочь ответит.

А что дочь? Дочь заявила, что замуж она не собирается. И снова улетела в своё фармацевтическое училище — оставался ещё один год учёбы. На зимние каникулы домой Галочка не поехала (опять Почекутовы свататься будут!), провела их у меня в авиагородке, с радостью занимаясь с племянником, уже начинающим топтать ножками, что вызывало у молоденькой тётушки бурный восторг.

Но откровенный разговор с сестрой всё-таки состоялся.

— Гена очень хороший, ты бы видела, сестрица, как он испугался за меня, когда мы летом в аварию попали! Взял меня на руки, несёт и всё спрашивает: тебе не больно? А глаза на мокром месте. Потом, уже после того происшествия, мы ещё катались на машине — только недалеко, за посёлком. Он мне сказал, что если бы со мной тогда что-то случилось, он бы не пережил. И я ему верю. Ему просто нельзя не верить! Замуж?

Не знаю... Он же на девять лет меня старше, ровесник Вены нашего, у брата уже трое детей, а этот ещё и женат даже не был.

— Да, — съехидничала я, — это самый крупный его недостаток...

3. Замуж за крокодила Гену?

И вот позади выпускные экзамены, и наша Галина Филипповна получила диплом фармацевта и распределение в аптеку посёлка Туруханск. Она съездила на Брянку к родителям буквально на несколько дней, благо, говорила она, Почекутовы всей семьёй уезжали к кому-то из родственников на юбилей. И снова гостила у меня: вместе мы собирали ей вещи для работы на Севере — тёплую одежду, посуду, постельные принадлежности. «Приданое» упаковали в огромный — «мечта оккупанта» — чемодан, договорившись, что его увезёт в Туруханск на своём вертолёте мой супруг — ему на следующей неделе предстояла командировка на север края.

Собрав небольшую сумку с вещичками, Галочка поехала в училище за официальным направлением в туруханскую аптеку, а оттуда сразу же должна была улететь на место работы.

И потерялась — ни звонка, ни телеграммы... Я не знала, что и думать, где искать свою непредсказуемую сестрицу. Из Туруханска передали телефонограмму от супруга: «В аптеке новый фармацевт, Галя не приезжала».

Неделю, целую неделю все были в неведении. Из Брянки — тревожные звонки от мамы и брата Вениамина. Из Маклаково ко мне примчался на мотоцикле брат Павел: где Галка, она же у тебя жила в последнее время? Я чувствовала себя виноватой со всех сторон — не уберегла девчонку!

И тут звонок в дверь. Открываю.

— Вам телеграмма!

Телеграмма из Брянки: «Приглашаем на свадьбу 25 сентября. Галя, Гена».

Брат даже вскочил со стула:

— Ну слава Богу! Геннадий — классный парень, свой, мы же его с детства знаем: не вредный, справедливый, не болтун.

А у меня вдруг слёзы:

— Она же его не любит!

— Что значит — не любит? Ты что, Галю не знаешь? Её, упрямую, против воли не заставишь даже посуду помыть. Давай думать о подарке для молодых.

И мы с Павлом вдвоём поехали на свадьбу — его жене не дали даже пяти дней отпуска, а мой супруг, как всегда, в командировке.

Галочка встретила нас счастливая, она просто свети-лась и рассказала мне, что с нею произошло в Красноярске:

— Представляешь, иду по Красноярску, остановилась на перекрёстке, чтобы перейти на проспект Мира к училищу, думаю, вот сейчас получу на руки направление и завтра же лечу в Туруханск, а там уже и вещи твой Володя привёз. Мысленно представляю, что мне дали комнату и я её обустроиваю — вешаю на окно твои занавески, заправляю кровать, ставлю, как ты, цветы в вазочку, и, знаешь, сестрица, даже подумать успела: ведь Гена точно сюда прикатит... И тут слышу, как со стороны проезжей части кто-то сигналит и сигналит. Поворачиваю голову, а за рулём грузовой машины Гена сидит, правой рукой дверцу приоткрыл и зовёт: «Прыгай в кабину!»

Ну, я и прыгнула. Как под гипнозом. И направились мы напрямиком к его тёте Полине Ивановне. Оказывается, он приехал в Красноярск за новыми грузовиками для автотранспортного предприятия. Три водителя на полученных машинах уехали на Брянку сразу же, а Геннадий решил погостить до завтра у Поли. У них небольшая разница в возрасте, общаются как брат с сестрой, и Гена, пока учился в институте, жил у младшей сестры матери.

Полина Ивановна встретила нас так радушно, будто знала, что Гена не один приедет, шампанское сразу на стол: давайте отмечать вашу встречу, она ведь не случайная — вам сама судьба предсказывает быть вместе, не слушайте! А наедине она мне так много про Гену рассказала, будто все мои догадки о нём подтвердила: что он заботливый, верный, надёжный, с хорошим чувством юмора, правда, не очень открытый и сдержанный в чувствах. И тут же, у Полины, Гена сделал мне предложение: встал на одно колено, взял меня за руку, — я чуть было не спросила: а где кольцо? Полина тоже едва улыбку сдержала... Знаешь, сестрица, я ничуть не колебалась и сказала, что согласна. На-завтра Гена позвонил своему начальнику, попросил продлить командировку, объяснив причину задержки, и мы пробыли у

Галочка и Геннадий. 1969 год

Полины ещё четыре дня. Сходили в ювелирный, купили кольца, платье и фату на свадьбу, в училище мне дали документ на свободное распределение. Праздновать — так праздновать: посмотрели спектакли в театре Пушкина и музкомедии, целовались и дурачились в кино, два вечера ужи-

нали в ресторане, один раз взяли с собой Полину. Она была так рада за нас и даже сподобилась на комплимент, что несвойственно, как я уже потом поняла, для их семьи: «Говорила Лида, что Гена влюбился в такую красавицу, каких она только в кино и видела, мол, одно лицо с актрисой Татьяной Пилецкой. Уговаривали его с отцом: не по тебе эта краля. Да где там!»

— Вот видишь, какой твой крокодил Гена целеустремлённый, — не удержалась я, — добился своего, завоевал твоё сердце!

Галочка на эти мои слова покраснела и засмузилась, но не возразила:

— Полина Ивановна мне по секрету рассказала, что к Гене на Брянку как-то зимой девушка Наташа приезжала, любила ещё с института, на работу в техникум к ней приходила, спрашивала про племянника. Ну, Поля сдуру и сказала, что он на Север уехал, на Брянку. И ведь какая настырная — разыскала, явилась. Родители её приветливо встретили, а Гена на следующий же день отправил девушку на попутной машине в Северо-Енисейск, попросил водителя купить ей билет и посадить на самолёт. Никто не ожидал от деликатного Геннадия такого поступка, а он объяснил и той девушке, и родителям, что у него Галя есть! Хотя я с ним тогда ещё и встречаться не собиралась.

...После свадьбы родители, скинувшись, купили молодой семье добротный дом. Галя в аптеку устроилась, Гена в своём АТП. Через год и крошка Эллочка родилась. Всё было

бы хорошо, если бы в жизнь молодожёнов не вмешивались обе матери — одна наставляла дочь, как держать мужа в руках, другая зазывала сына после рабочего дня к себе, кормила ужином и угощала водочкой, «чтобы снять усталость». Скандалов в молодой семье не было, но напряжение росло...

После серьёзного разговора Галя с Геной, не советуясь с родителями, просто сообщили тем и другим, что к началу учебного года переезжают в Красноярск. Объяснили так: Геннадию поступило приглашение от директора училища, его друга и однокурсника (тот действительно звонил), на приличную преподавательскую должность на курсах повышения квалификации для руководителей и мастеров профессионально-технических училищ края. Главное — с предоставлением жилья.

Переезд состоялся в срочном порядке: семья радовалась большому городу, небольшой, но своей, хоть и однокомнатной, квартире, интересной для Геннадия работе. Подрастала дочурка, которую великовозрастный молодой папа обожал. Летом, во время отпуска, он на пару недель ехал на Брянку помочь родителям в домашних делах и брал с собой Эллочку.

— На комары везёшь ребёнка? — слабо возражала жена.

— На свежий воздух! — парировал муж, и Галя понимала, что он прав.

...Самым неприятным и разбивающим семью фактом стало то, что Геннадий Степанович всё чаще и чаще возвращался с работы нетрезвым. Повод был банальным: «благодарили» взрослые студенты, почти каждую пятницу коллективные застолья — дни рождения, помолвки, премии и так далее.

Нет, он не был буяном, придирчивым и ворчливым занудой, он просто приходил навеселе, неловко шутил с женой и дочкой и заваливался на диван.

Галя, не найдя места в аптеках города, устроилась в санчасть комбайнового завода, прошла специализацию на курсах медицинских сестёр и работала по новой специальности с радостью и удовольствием. Забирала вечером из садика дочку, возвращалась домой, готовила ужин и ждала мужа...

Нет, не о такой семейной жизни она мечтала, и пренебрежение Гены её спокойствием и благополучием гордая моя сестра вынести не могла. Ждала изменений год, другой. И подала на развод. Геннадий покорно смирился, чувствуя свою вину. Но уходить из семьи не собирался, видимо, ещё

на что-то надеясь. Жить продолжали в однокомнатной квартире, разгородив спальные места шифоньером, не ругаясь и почти не общаясь...

Так продолжалось почти год.

4. А если это любовь?..

— Мне казалось, я его ненавижу, с его пьяной рожей и нелепыми шутками,— с горечью высказывала мне Галочка, когда я, прилетая в Красноярск в служебную командировку, заезжала к ней на комбайновый или прямо домой.— А вечером всё равно с нетерпением жду, когда он вернётся с работы. Места себе не нахожу, если задерживается. И Эллочка ждёт, когда папа пойдёт с ней погулять на детскую площадку: одну её я не могу отпустить, и пойти с нею нет возможности — ужин надо приготовить и что-то на завтра. А вечером он терпеливо проверяет домашнее задание у дочки, что-то ей объясняет, рассказывает, оба смеются.

— Надо понимать, теперь тебе Гена нужен только как помощник в воспитании ребёнка?

— Нет, сестрица, я поняла, что скучаю по нему, что плохо мне без него!

— Галочка, вы около года в разводе: неужели не видишь среди своих поклонников того, кто бы устроил тебя как муж и отец Эллочке? Влюбилась бы, наконец! Я ведь видела, как твой шеф в санчасти тебя без кетчупа готов съесть. Думаю, что он не единственный воздыхатель.

— Никого из тех, кто ко мне подкатывал, нельзя даже близко рядом с Геной поставить, я только теперь это поняла...

— Галочка, да ты просто его любишь и не хочешь себе в этом признаться!

— Наверное, ты права: люблю! И никто мне, кроме него, не нужен. Надо бы сесть и поговорить, а я полагала, что он старше и сам должен понимать, что семью разрушает. Может, я перегнула палку? Помнишь, как папа однажды сказал про меня: эта пересолит, но выхлебает. Вот и хлебаю. Вижу, что он тоже мается и боится первым сделать шаг навстречу. А в последнее время, уже месяца два, наверное, или больше, вообще сам не свой: приходит трезвым, не шутит,— понять не могу, что он надумал... вдруг уйдёт?

И однажды вечером Геннадий заговорил так, как это было раньше, до развода:

— Галя, мне нужен твой совет, даже не мне — отцу. Он серьёзно заболел, видимо, опять сердце, таблетки и уколы не помогают, а брянковская врачиха не даёт направление ни в районную больницу, ни в край, говорит, что старость не лечится. Какой отец старик?! Ему только шестьдесят пять! Мама в панике. Что делать, как родителям помочь?

— Поезжай на Брянку и вези Степана Васильевича к нам, сделаем всё, что в наших силах: у меня есть хорошая знакомая в крайздраве, надеюсь, поможет.

— Но, знаешь, Галя, боюсь: а вдруг отцу хуже станет, когда он поймёт, что мы в разводе? Я ведь своим ничего не говорил.

— Мои родители тоже не знают, только сестра в курсе. Значит, надо вести себя так, чтобы он не догадался.

Геннадий взял неделю отпуска за свой счёт и поехал к родителям. Вернулись быстро. Галочка внутренне вздрогнула, увидев свёкра: до неузнаваемости изменившийся, в прихожую вошёл высокий, худой и бледный старик. Обычно поджарый, стройный, он как-то ссутулился, поседел и постарел.

За эти дни сестра уже договорилась об обследовании Степана Васильевича, и уже на завтра они с Геннадием отвезли отца в стационар.

Но это была не единственная проблема, которую нужно было решить в ближайшее время, и без помощи сына родители вряд ли могли обойтись. Несколько лет назад они вступили в Красноярске в кооператив, выплатили положенную сумму и ждали, когда получают документы на квартиру. Радость и горе пришли одновременно: в то время, когда все силы были направлены на восстановление здоровья отца, пришло сообщение, что дом сдан в эксплуатацию и нужно в срочном порядке получить ключи и документы на вселение.

И снова решение взяла на себя моя не теряющая самообладания сестра:

— Степаном Васильевичем буду заниматься сама, возьму дни в счёт очередного отпуска, буду покупать лекарства, готовить еду и навещать отца. А ты поезжай на Брянку, помоги матери продать дом, собирайте вещи, а машину, думаю, в АТП тебе дадут. Перевози мать сразу на Пашенный, в новую квартиру.

Казалось бы, всё шло удачно, будто кто-то свыше помогал Галочке и Геннадию в этой сложной ситуации, если бы не диагноз отца — рак поджелудочной железы в последней стадии. Едва расставили вещи в трёхкомнатной квартире, как отца выписали из стационара. Всего четыре дня и прожил-то он там.

После похорон Лидия Ивановна не смогла оставаться одна в пустой квартире и поселилась у сына. Ей с внучкой отвели место на диване, а Гене с Галей пришлось устраивать супружеское ложе на полу... там они и помирились, там же дали жизнь сыну... Там же Геннадий дал слово жене, что он совсем не будет пить, если она сохранит ребёнка... И слово своё сдержал.

Шли месяцы, супруги, как могли, поддерживали мать. Она познакомилась с соседками, охотно гуляла с Эллочкой во дворе. А у Галочки животик уже стал выпирать из платья, так что спать на полу с каждым днём становилось труднее.

И вот как-то за ужином Геннадий предложил:

— Мама, давай сделаем так: тебе нравится здесь, оставайся в этой квартире, а мы переедем в вашу. Через месяц у нас ребёнок родится, а тут не только кровать — коляску поставить негде...

И что тут началось! Весь гнев свекровь вылила на невестку: мол, это её затея — завладеть квартирой! Девять лет не хотела второго ребёнка, а как про квартиру узнала — сразу и забеременела.

Для Галочки предложение мужа было неожиданностью: они с Геной это даже не обсуждали. От обиды не смогла проронить ни слова. А Геннадий с трудом успокоил мать. На следующее утро, когда Гена уже уехал на работу, а Галя была в ванной комнате, Лидия Ивановна собрала свою сумку, повернувшись к невестке, процедила:

— Спасибо за гостеприимство.

И съехала...

5. Счастливая семья, или Как сохранить любовь в разводе

Стёпочка, Степашка, любимый мой племянник, родился в конце ноября, а уже через месяц Геннадий принял

предложение директора Новоенисейского профессионально-технического училища Равиля Иосифовича Алтынбаева (добрая ему память!) о переводе к нему на работу преподавателем. Директор училища оперативно организовал переезд, предоставил семье во временное пользование трёхкомнатную квартиру (гостиничный номер для вип-персон). А в Лесосибирске уже жили наши родители, лет пять назад выехавшие с Севера.

Вещи перевезли и сложили в необжитом пока жилище. А Новый год встречали у меня в Енисейске. Учебный год и зима для семьи пролетели быстро, а к весне красноярскую квартиру удалось обменять на двухкомнатную в Лесосибирске — в деревянном двухквартирном доме с небольшим приусадебным участком. С переездом и ремонтом помогали все — папа, брат Павел, мой супруг и мы с мамой.

Геннадий нашёл работу поближе к дому — стал преподавать автодело в межшкольном учебно-производственном комбинате, Галочка устроилась медсестрой в городскую поликлинику.

Именно здесь, в Лесосибирске, таланты супругов проявились во всё. Гена вставал рано, часов в пять, а то и в четыре, и принимался за работу: за весну и лето капитально отремонтировал квартиру, построил три небольшие теплицы, переделал баню, по просьбе жены привёл в порядок две стайки (удивляясь, для чего бы ей они?), обновил забор. Делал всё добротнo, по-хозяйски. И — как подарок супруге — высадил на участке кусты смородины, крыжовника, ирги, облепихи и даже три грядки клубники.

Галочка же и так была мастерица на все руки, а тут она, пока была в декретном отпуске, превратила обычную квартиру в уютное семейное гнёздышко. Готовила так, что даже приезжающая иногда свекровь сдержанно хвалила. Соленья на зиму делали вместе: готовили огурцы, помидоры, нарезали овощи для салатов, ездили за грибами, а уж самый главный процесс — засолка или маринование — дело рук матери семейства.

Неожиданно для всех Галочка решила всерьёз заняться хозяйством: давайте купим поросёнка, потом козу с козлом, а заодно и десяток молодых кур. Гена беспрекословно исполнял любой каприз жены, ему, казалось, нравились все

её затеи: он поддерживал её и помогал во всём. Тем более что время наступило сложное — конец восьмидесятых — начало девяностых, когда бюджетникам задерживали зарплату, когда опустели полки в магазинах...

Помню, как-то в субботу подъезжаю я к их дому на Советской, выхожу из машины и слышу дружный смех: а это вся семья и ещё соседи, что живут через стенку, любят, как парочка новорождённых козлят резвится — через невысокий декоративный заборчик ловко скачут, сталкиваясь и перепрыгивая друг через друга...

...И снова сюрприз от Галочки для всех нас: решила она получить высшее экономическое образование; думаю, прежде всего доказать свекрови — та очень уж гордилась образованием сына. Сдала сестра вступительные экзамены на заочное отделение Красноярского технологического института, сидела над книгами по ночам и два раза в год ездила на сессии, останавливаясь с подругой на квартире у свекрови (по её настойчивому приглашению). Сама же Лидия Ивановна отправлялась на это время в Лесосибирск хозяйничать — готовила обеды сыну и внукам, мыла, стирала.

Диплом моя Галочка защитила на «отлично»! Теперь свекровь гордилась и невесткой! Нет-нет да и сокрушалась: зря вы из Красноярска уехали...

Она даже не догадывалась, что Геннадий с Галей уже восемнадцать лет были в разводе...

А мы с Галочкой теперь ещё чаще стали встречаться — то я к ней после работы за сорок километров махну, то она ко мне в Енисейск. А семьями, как правило, встречались еженедельно. Иногда сестра звонит: что будешь готовить на ужин? Меня совсем Степан замотал: то не хочу, это не буду, — а у тебя он не капризничает. И приезжают всей семьёй на ужин: мужья наши будто тоже породнились, шутят в унисон, вспоминают весёлые истории из совместной рыбалки. Мы смеёмся. Какие счастливые были времена...

Выросли мои сыновья, выросли и дети сестры. Эллочка окончила физико-математический факультет педагогического института, третий год преподавала математику в школе, вышла замуж, ждала ребёнка. Степану семнадцатый год, одиннадцатый класс, красавец — весь в маму Галю.

...Слёзы застилают глаза, когда вспоминаю тот последний наш совместный обед в конце октября 1997 года. Приехали они за нашим камином: осень была затяжной, а потому и отопление было соответственно погоде. Да дело, в общем-то, и не в камине, просто надо было посоветоваться, поговорить... Беременную Эллочку срочно направили в краевую больницу, вот и решили ехать всей семьёй: Степан в школе отпросился — впереди каникулы, а зятя вроде не отпустили на работе.

Назавтра ранним утром выехали в край. Элу сразу госпитализировали, и она через день родила мёртвого ребёнка. Галочка в слезах позвонила мне, поделилась своей болью и сказала, что доктора определили причину заболевания дочери и дали положительный прогноз на будущее...

Выписали Элу из роддома шестого ноября, а седьмого ноября утром, когда они, собравшись ехать домой, выходили из подъезда, прямо перед ними, перекрыв дорогу, упал старый тополь... Галя предложила вернуться — дурная примета. Гена пошутил: умный тополь обойдёт...

Они не доехали до дома шестьдесят километров...

В тот день погода стояла на редкость пакостная — обычно к ноябрьским праздникам земля была покрыта снегом и морозы зачастую за двадцать, а тут — с вечера шёл дождь, ночью крепко подморозило, утром снова дождь со снегом. Гололёд был страшный! Гена вёл машину осторожно — это свидетельствовали те, кто ехал за ними по трассе. Но на крутом спуске к речке Нижней машину резко бросило на встречную полосу под поднимающийся в гору КАМАЗ...

В одну секунду погибли все.

...Двадцать один год, проезжая по тракту Енисейск — Красноярск, я каждый раз притормаживаю на спуске к речке Нижней и с силой давлю на клаксон, словно надеясь, что Галочка услышит мою боль...